

МИССИЯ ГУССЕРЛЯ: СУВЕРЕННОСТЬ МЫСЛИ В свете его «Переписки» («Briefwechsel»)

Иозеф Сивак

Иозеф Сивак

доктор философии
Словацкая Академия наук
(г. Братислава, Словакия)

Хотя у нас и проходят философские конгрессы, философы собираются вместе, а различные направления философии — к сожалению, нет.
«Cartesian meditations».

Философствование Гуссерля было почти необходимым для него, для его существования, делом его жизни и одной из трудностей мышления¹. По его собственным словам, «тот, кто не имеет собственных антиномий и парадоксов, которые преграждают ему наиболее легкий путь и с которыми он должен бороться вплоть до отчаяния, тот не философ, тот ничего не знает о философской экзистенции, которая является борьбой как за философскую жизнь, так и за философскую смерть».²

Для него философия не является делом карьеры, но делом судьбы, чем-то таким же серьезным, как жизнь и смерть, и происходящим из сомнения. Гуссерль сам прошел несколько таких обширных периодов сомнения (например, во время работы в Галле), потому что не смог адаптироваться к «выхолощенной аргументации и системам», упакованным в удобные традиционные мыслительные клише; скорее он серьезно воспринял феноменологическую редукцию. Он, вероятно, действовал как Робинзон: сам создавал себе «инструменты и результаты мышления» («*Denkgerate*», «*Denkergebnisse*»)³. Этот труд «страстного и

сомневающегося усилия»⁴ давал ему силы жить и дышать.

Однако такая когеренция жизни и работы может обслуживать разные софизмы, если отдать предпочтение тому или иному аспекту. Именно так обстояло дело с дискуссией о Хайдеггере, о его политической «ангажированности».

Не желая возвращаться к этой дискуссии⁵, заметим, что здесь считается сущностным. Если правда, что есть лишь одна альтернатива суициду — труд, то у Хайдеггера не оставалось даже этой последней возможности. По нашему мнению, связь между временной политической ориентацией Хайдеггера и его философской работой является абсурдной выдумкой. В конце концов, это означало бы, что есть не только труд! Путать человека и его поступки с его трудом по меньшей мере опрометчиво.⁶ Не подлежит сомнению, что жизнь и работа имеют общий предмет, но работа отличается от жизни не только автономным существованием, но и созданием философического аскетизма. Для Гуссерля это была знаменитая «феноменологическая редукция», а для Хайдеггера — размышления о бытии.

Основа интеллекта как такового вообще является не умственной, а моральной⁷. Интеллектуал — это, в первую очередь человек, который мыслит всей своей душой и всем телом и который имеет характер. Наука и философия произрастают на одной почве, на способности быть разумным, как в случае морального добра. Если человек не верен этому идеалу, если он не любит правды и если его характер рушится, тогда сам по себе ум недостаточен, рассудок не управляет человеком, и тот совершает ошибку за ошибкой, несмотря на увеличение напряжения. Такой интеллектуал не признает, что здесь действуют не только его интеллектуальные качества, а что-то другое, что-то относящееся к морали или здоровью.⁸

Тем не менее, труд есть добродетель, которую должен возделывать любой интеллектуал. Но само прилежание не должно приводить к пренебрежению другими обязанностями. Потому что, повторим, правда и добро по сути мало чем отличаются. Рабочая дисциплина неотделима от подчинения правде: интеллектуал всегда ей покорен.

Гуссерль чувствовал свое призвание к философской работе. Однако он не просто повторяет историю философии, но пересоздает ее с точки зрения всеобщей (универсальной) науки.

Феноменология должна была стать «...попыткой обновить изначальную идею философии как универсальной науки (которая охватывает все возможные прикладные направления) и запустить ее в систематическое употребление в форме научного подхода со строгими закономерностями».⁹

По этой причине Гуссерль не мог больше предавать себя, поскольку считал правду и науку высшей ценностью. «Интеллект и воля должны служить гуманности,¹⁰ – пишет он Метцгеру, – и теории должны служить новому миру, иначе они ничто». Тем не менее, в 1935 г., перед лицом ориентации сына на поле законоведения, он характеризует свою новую работу как «неполитическую».¹¹ Итак, сам он подчинил себя эффективности, действию, но далее он объясняет, что со времен Фихте ситуация поменялась и уже нельзя быть социально эффективным. В XX веке технология делает невозможным прямое воздействие на людей и народ – Гуссерль едва ли постиг существование таких изобретений, как радио. Поэтому он нацелен на философию, которая, возможно, будет действовать практически («aus-vertheoretisch»).

Его вывод был таким: «...Много лет прошло, пока феноменология не поднялась на такой уровень, что смогла оказывать всеобщее практическое и мировоззренческое влияние».¹²

Феноменология – тоже «концепция мира», но эта концепция должна иметь форму строгой (точной) науки, как условие приближения к другим философским положениям.¹³ Понимание Гуссерлем господства техники является еще более справедливым в начале нашего XXI века. Это господство сопровождается потерей жизненного мира. Только возвращение к этому миру помогло бы ограничить или даже преодолеть господство технической рациональности.

Гуссерль желает, наконец, предложить иное качество жизни, «счастливую жизнь», нетеоретическую область – «жизнь в действии, согласно с идеей Духа». Такая жизнь была «нормой для него самого».¹⁴ Издатель утверждает:

«Итак, не просто жизнь в деятельном мире, а жизнь, сформированная на основе идей, является целью Гуссерля».¹⁵

Платонист Гуссерль также убежден во взаимодействии идей в области насилия. В отношении национал-социалистических идей он говорит:

«Они существуют в истории как разновидность подлинной непреодолимой реальности, и называются идеальными делами».¹⁶

Идеи способны «порождать» и живых людей.

Политический лидер является истинным лидером, если он следует идее Бога, а также идеям, которые свободно открывают философы. Гуссерль вполне просто придерживается тезиса силы, если она опирается на идеалы. Для него это – вопрос оснований для истинного практического

действия.

«Мнимые чистые теоретики на самом деле являются практиками длинного атома».¹⁷

Гуссерль был убежден, что феноменология может заполнить все историческое время и в этом смысле вытеснить все предшествующие философские системы, – например, марксизм. С другой стороны, у него были свои сомнения: он считал феноменологию необходимо односторонней. Ее однобокость вытекает из необходимости выбора того или иного пути (способа), который может быть скорректирован в процессе дальнейшего развития. Но не является ли тезис о преодолении всех предшествующих философий бредовым «hubris», преувеличенным выпячиванием своего «Я»? Несмотря на это, Гуссерль понимал свою миссию как необходимую связь «hubris» и «трагедии» через философию, прослеживаемую в его «философическом существовании» (*Philosophendaseins*).¹⁸ Прежде всего, он был убежден, что может преуспеть в проникновении в Абсолют, в универсальное единство бытия, в глубочайшие тайны субъективности, которые идентичны феноменологическим. Это – еще одна параллель с Гегелем.¹⁹

Невозможно разделить исследователя и учителя, научную работу и педагогическую работу.

Переписка Гуссерля с учениками составляет три тома.²⁰ Он замечал, что его подразумеваемая роль «гида», «лидера» юных философов предполагает образование.

«Я руководитель одного из философских направлений, которое появилось из моих сочинений и саморазвивается на основе внутренних ресурсов. В своей академической деятельности я должен многое сделать для большого числа молодых философов и преподавать свои идеи на все более высоком уровне».²¹

Будущее зависит от них; они будут его наследниками и последователями, нет, «представителями нового духа», «функционерами вечности».

Связь между учителем и учениками была основана на сотрудничестве, а не на власти. Гуссерль ставил единственное условие для участия в его лекциях и семинарах: человек должен стараться постичь его учение, а не приходить с готовыми установками, тогда его примут сердечно.

Что касается практической стороны учительства, Гуссерль делал упор на семинары. В процессе этих семинаров он старался не демонстрировать или показывать что-либо, но пробуждать опыт мышления и давать ученикам возможность развиваться.²² По его словам, он хотел «вести, а не инструктировать». Сообщалась только информация о стадиях развития и внутренней структуре феноменологии. Прежде чем стать философией сознания, феноменология была философией здравого смысла. С феноменологической точки зрения, всегда наличная проблематика – что

является самоочевидным («*selbstverständlich*»). Адепт феноменологии должен проверить все, что он видит, слышит и осязает в своем окружении: столы, стулья, мелодии, геометрические тела и др.²³ Конечной целью образования было научиться правильному зрению и стать самодисциплинированным.

Школа, связанная с именем Гуссерля, не только контрастирует со способами преподавания философии и гуманитарных наук сегодня – она составляла оригинальный феномен внутри Германского университета в первые 30 лет XX века. Давайте посмотрим на ситуацию в Немецком университете того времени.

В Германии профессор философии и теологии был уважаемым лицом.²⁴ Его общественное влияние было связано не с политикой, а с полной академической свободой, «*libertas philosophandi*», правившей в Германских университетах с XVIII века. Только свободный университет может научить свободному духу. Так Немецкий университет стал исключительным местом или форумом для научной работы. Однако государство сохраняло за собой определенное право наблюдения и ограничения внутренней автономии университетов. В обмен на академическую свободу и ее защиту государство ожидало от преподавательского состава отсутствия политических интересов.²⁵

Такое «разделение труда» и такой «образ отношений» между государством и университетами сохранялись 150 лет, пока не были нарушены культурной и образовательной политикой национал-социализма. Она превратила обучение в «политику», профессора – в «фюрера» студентов, и тем самым «неофициальный» философ становился «официальным». Немало профессоров были «взяты на испуг, ибо им хотелось остаться в неполитической роли, к которой они были привычны; хуже всего, что не было иной альтернативы: профессор, который «ангажировал» себя, всегда бывал удивлен, вдруг перестав быть профессором».²⁶ Так немецкое общество поляризовалось. Одни выражали надежду на новый режим, другие сопротивлялись или становились аутсайдерами, сохранив себя от введения «расового принципа» и «фюрерского принципа» в обучение и исследование.²⁷ В первой группе мы находим Хайдеггера,²⁸ во второй – Гуссерля, который правильно разглядел в нацистской Германии Германию денационализированную. Следовательно, выиграть в результате такой негативной эволюции мог кто угодно, только не Германия.²⁹

Гуссерль не дождался всемирного торжества своей феноменологии, на которое так надеялся. Современная феноменологическая литература, разделение которой на первичные³⁰ и вторичные источники практически невозможно, ибо ученики сами стали классиками, представляет широкий ассортимент книг и журналов – по следам знаменитого «*Jahrbuch*». Добавьте к этому множество феноменологических обществ,

институтов, центров, лекции, читаемые во многих университетах и на симпозиумах, включая данный Конгресс. Можно говорить о социальном значении и актуальности феноменологии в наши дни.³¹ Являются ли все эти общества и центры, вся эта издательская деятельность, которую невозможно учесть, памятником покойному? Во всяком случае, это весьма обширный памятник, и удивительно, что западные общества, так же как и восточные не свободные от меркантилизма и погони за прибылью, позволили этому произойти.

Итак, можно сказать, что послевоенные годы были пропитаны феноменологией, которая присутствует и в начале XXI века. Может показаться, что ожидания Гуссерля в отношении значения феноменологии и феноменологов как «общественных слуг гуманности» – воскресшего Феникса европейского Духа – исполнились. В действительности, однако, все не так просто: феноменология остается одним из многих современных философских достижений. С точки зрения субсидий, философия и гуманитарные науки занимают последнее место после естественных наук и технических дисциплин, общественных наук и социальных наук.³² Несмотря на это, создается впечатление, что даже это малое количество средств (которое больше того, что было доступно Гуссерлю³³), распыляется.

В самом деле, сейчас уже нет той философской школы, какая была у Гуссерля, но дело в том, что обучение философии сегодня не производится по модели «ученик – учитель», как в искусстве или спорте, например.³⁴ Сегодня люди не говорят: «Я собираюсь учиться у профессора, работая с ним», но – «Я собираюсь учиться, совместно путешествуя, проживая и т.п.» Более того, обучение философии через проблемы и традиции становится все более редким, оно замещается обучением, которое призвано одновременно обеспечить тему и дать философу «*a la mode*» – права человека, демократия и др.³⁵ И есть много сетей национального и международного уровня, специализирующихся на изучении отдельных аспектов и вкладывающих немалые финансовые средства.³⁶

Давайте спросим, в какой степени позиция Гуссерля как интеллектуала совместима с традицией, с одной стороны, и какой урок она нам преподносит, – с другой. Философ является интеллектуалом, т.е. тем, кто учится и прогрессирует непрерывно. В нем изменяется интеллект – его инструмент.

Если интеллектуальная работа обречена на гуманизацию, то правда, что интеллектуал часто является мишенью для критики, возбуждает ревность и страсти, все то, чего он желал бы избежать. Это неминуемые издержки данного рода деятельности. Прежде всего, интеллектуал является мишенью деструктивной критики со стороны других интеллектуалов. История идей и философии является в то же время историей полемики между мыслителями и между школами.³⁷ В этой полемике

мы должны определить (разделить) полемику вербального или психологического характера и полемику политического характера, которая может закончиться элиминацией философской жизни и даже смертью философа. В последнем случае возникает естественный вопрос: кто за это в ответе?³⁸ В конце концов, раньше или позже, но честная работа получает общественное признание, хотя все противоречия из этого мира устранить нельзя.

Каждый интеллект, и особенно философ, представляет некую порцию суверенности мысли, в которой и состоит его настоящее служение, «ангажмент».³⁹ В этом смысле Гуссерль может явиться и примером, и уроком: примером построения такой суверенности и уроком ее сохранения. Гуссерль преуспел в достижении большого национального и международного значения потому, что стал символом германской суверенности мысли. Именно из-за этого он был изгоем в последние годы своей жизни, а после смерти был буквально полностью «похищен» у Германии, и теперь его наследие изучается и издается за рубежом.⁴⁰

Случай Гуссерля подтверждает ценность и другого тезиса: философ – не политик. Мудрость должна бы научить философов не вмешиваться в политику. Если профессор вмешивается в политические дела, он никогда не сможет буквально принять программу своей партии, хотя может верить в благие намерения этой программы, считая ложь необходимым злом, требуемым для политической борьбы. В любом случае, он ограничит свою свободу выражения: ведь ученый хочет выражать всю правду, а для политика это недопустимо.⁴¹ В отношении политики Гуссерль обнаруживает в течение этих критических лет больше здравого смысла, чем Хайдеггер, оставаясь преданным философии и своему идеалу.

Перевод с английского - Дьяченко О.З.

1 В течение всей жизни Гуссерль работал более 14 часов в день, а будучи 70-летним – все еще по 8-9 часов, с энтузиазмом, «*furore philosophico*».

2 Гуссерль – Куну, 18.11.1935, *Husserliana Documente* III, part 6, p. 239 sq.

3 *Ibid.*, part 10, p. 40.

4 Гуссерль – Беллу, 18.09.1921; *ibid.*, part 3, p. 25.

5 А именно: Дж. Хабермас, В. Фариас и П. Бурдьё, которые утверждали, что нацистское прошлое Хайдеггера неотделимо от его работы.

6 Согласно В. Янкевичу, философ – это тот, кто делает, что сказал. Если такое определение поведения философа не является идеальным, реализация его не обошлась бы без жертв.

7 В другом письме к Ингардену Гуссерль пишет в 1933 г.: «Философ может быть только этической личностью, иначе он – ничто».

8 Благодаря переписке Гуссерля мы знаем о нескольких периодах депрессии, связанных с нервозностью, переутомлением и никотином. В письме он признается,

что «*Logical Investigations*» помогли ему улучшить свое состояние. *Ibid.*, part 10., p. 11.

9 *Ibid.*, part 6, p. 181. Это означает, что Гуссерль убежден, что эпоха науки была открыта еще Платоном, а не Аристотелем.

10 *Ibid.*, part 10, p. 16.

11 Письмо Герхарту Гуссерлю, 5. 07.1935; *ibid.*, part 9.

12 Гуссерль – Альбрехту, 26.11.1934; *ibid.*, part 9, p. 111. Мысли работают не только в теоретической философии, но и в религии, как свидетельствует признание на исповеди: «Я признаю, что согрешил своей виной, делом, словом и помышлением, и деланием, и неделанием...»

13 Согласно выражению, приписываемому Натопу, специалисту по Платону: «Не одни философы должны быть королями, но и сама философия должна быть королевой» (apud Schuhmann, *Husserls Staatsphilosophie*, p. 166).

14 *Ibid.*, part 6, p. 94.

15 *Ibid.*, part 10, p. 16.

16 Гуссерль – Гримму, 4.02.1933; *ibid.*, part 3, p. 97.

17 *Ibid.*, part 10, p. 25.

18 Э. и М. Гуссерль – Манке, 4./5.05.1933; *ibid.*, part 3, p. 492.

19 Г. В. Ф. Гегель. *Phänomenologie des Geistes*. (Hamburg 1952), p. 129, apud Schuhmann, *op. cit.*, part 10, p. 46.

20 См. *ibid.* H1/2: Die Münchener Phänomenologen; H1/3: Die Göttinger Schule; H1/4: Die Freiburger Schule.

21 Гуссерль – Даркову, 22.12.1920; *ibid.*, part 9, p. 162.

22 М. Хайдеггер открыл новые перспективы в этом опыте мысли. Мы можем также упомянуть J. Patocka, который практиковал то, чему научился во Фрайбурге. (См. наш очерк «Un philosophe du monde naturel: Jan Patocka 1907–1977», *Analecta Husserliana* XXVII, p. 582).

23 Например, А. Рейнах со своими студентами посвятил целый семестр феноменологическому описанию одного-единственного объекта – почтового ящика.

24 Гуссерль сам выиграл от этой традиции: с избранием его профессором Университета во Фрайбурге в 1916 г. он получил титул «тайного надворного советника» (*Geheimer Hofrat*) от Прусского короля того времени, который также награждал его (в 1918 г.) Крестом за доблесть в Первой мировой войне. Гуссерль в то время читал лекции в рамках программы для участников войны. Что касается титула советника, Гуссерль не давал местным политикам никаких советов, самое большее – позволил обратиться к себе таким образом в нескольких письмах.

25 Бывало, что факультет поручался за профессора, каким-либо образом политически ангажированного, но окончательное и решающее слово принадлежало министерству.

26 Политики и генералы отреклись раньше. Особенно высшее офицерство видело (а некоторые из них приложили к этому руку) политизацию армии, но отказались действовать против Гитлера, потому что «честь мундира» немецкого офицера традиционно не позволяла им вмешиваться в политику. Так они упустили момент, когда можно было отказаться отдать армию Гитлеру.

27 Несмотря на это, научный и технический потенциал Германии вплоть до 1939 г. был выше, чем у Великобритании и США, до тех пор пока не был ослаблен рядом факторов: разбросанностью, централизованным управлением, ссылками

и смертями, условиями войны. А философия сохраняется в обществе до тех пор, пока оно не становится тотально насильственным.

28 Согласно К. Ясперсу, Хайдеггер вступил на поприще политической карьеры потому, что «хотел руководить фюрером». Это в значительной мере указывает на то, что герменевт Хайдеггер не мог «читать» политическую реальность. Его «*Rektoraatsrede*» содержит правдивую диагностику Немецкого университета в курсе политизации, но увязать декларируемую необходимость в автономии с «фюрерством» было непросто. Просто уже слишком поздно было устанавливать органическую связь между суверенитетом мысли и суверенитетом государства.

29 Как 80 лет назад Россия лишилась – если не сама себя лишила – интеллигенции с ростом импортированной идеологии.

30 Критическое издание «*Собрания сочинений*» Гуссерля уже превысило 30 толстых томов, и планируется издать еще 10.

31 Философская школа остается актуальной до тех пор, пока актуальна ее терминология, пока ее язык способен отражать последние достижения науки. Такую цель ставит перед собой серия монографий «*Феноменологические исследования*», которая считает феноменологическую философию научной. См., напр.: Б. Фридберг. Что станет с наукой в «будущем феноменологии»? // *Феноменологические исследования*. 32 (2000): 219-229.

32 Упадок философии идет рука об руку с деградацией науки до уровня «*techno-science*». И позднейшие философские течения – постструктурализм, герменевтика, деконструктивизм, постмодернизм – являются модификациями этого прецедента под влиянием политики, идеологии, науки, языка и денег.

33 Связи между работой и вознаграждением того времени блестяще иллюстрируется французской поговоркой: «*penser plus en depensant moins*».

34 Во всем мире есть несколько философских колледжей с давними традициями (Оксфорд, *Ecole normale superieure* в Париже, Лювене и др.), но в других местах, за

немногочисленными исключениями, адепты философии попадают на философском невежестве. Можно подумать, что не каждому разрешено есть плоды с древа познания.

35 Поэтому идеологизированность преподавания философии не прекратилась с падением коммунистической идеологии. Таково общее впечатление, выражаемое такими амбициозными публикациями, как «*Преподавание философии на рубеже XXI века*» /Под ред. Д. Эванса, Ш. Куфуради. Анкара: FISP, 1998.

36 Поэтому мы не можем отделаться от впечатления, что невежество намеренно спонсируется.

37 Конфликт между Гуссерлем и Пфандером или Хайдеггером не является чем-то экстраординарным, если вспомнить конфликты Аристотеля и Платона, Паскаля и Декарта, Канта и Лейбница, последователей Гегеля и последователей Шеллинга и др.

38 У Гуссерля было предчувствие, что нацистская идеология не является немецкой, потому что в противном случае это означало бы, к примеру, что рыбы сами хотели бы вычерпать воду из собственного озера.

39 Есть ли решение у проблемы органической связи между суверенитетом государства и суверенитетом мысли? Согласно Schuhmann, государство как власть должно стать объектом феноменологических изменений и описаний: «Феноменология посредством переоценивающего осмысления изменяет внешнее могущество государства в рассудочном самопознании. В качестве реализации всеохватывающих идей она должна, со своей стороны, претендовать на роль руководящей функции в человеческой жизни. Но феноменологическое мышление не являет собой диктата над другими субъектами сознания, так как не противостоит им в качестве новой формы» (*Husserls Staatsphilosophie*, p. 166).

40 Таким образом, Гуссерлю предшествовал еще один «подарок» Германии миру – подарок отравленный.

41 Так Сартр, несмотря на свою воинственность и марксизм, воздержался от вступления во Французскую компартию: в качестве «не-политика» он был более эффективен и полезен этой партии, чем в качестве ее члена.